

**О ПУШКИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗКИ СЕНЕСЕ
“УТЕРЯННОЕ ДОВЕРИЕ, ИЛИ ЗМЕЙ,
ЛЮБИТЕЛЬ КАЙМАКА, И ТУРОК, ЕГО ПОСТАВЩИК”
 (“НЕДАВНО БЕДНЫЙ МУЗУЛЬМАН...”)**

Французская литература XVIII в. имеет особое значение для Пушкина – он знал ее превосходно. Причем не только творчество великих фигур, подобных Вольтеру, Руссо, энциклопедистам, но и писателей второстепенных, ныне нередко просто забытых. Среди жанров века Просвещения не последнее место занимает жанр литературной сказки, который во Франции имел долгую традицию, в котором пробовали свои силы многие писатели. Известно, как высоко ценил Пушкин сказки великого поэта XVII в. Лафонтена: он называл их среди лучших образцов сатирической и комической литературы¹. На рубеже XVII и XVIII вв. наступает золотой век литературной волшебной сказки. В XVIII в. к жанру сказки обращаются Вольтер², Дидро, Руссо, Кребийон-младший. “Восточные сказки” писали граф де Кейлюс, Жак Казот. Пушкин, однако, из всех этих знаменитых и менее известных имен выбирает, казалось бы, совсем уж неизвестного, “второстепенного”³ сказочника – Антуана Бодерона де Сенесе (Sénescé Antoine Bauderon de) и весной 1821 г. в Первой кишиневской тетради (ПД 831) вчерне записывает начало перевода его сказки “Утерянное доверие, или Змей, любитель каймака, и турок, его поставщик” (“La confiance perdue, ou le Serpent, mangeur de kaimak, et le Turc, son pourvoyeur”) – “Недавно бедный музульман...”.

Б.В.Томашевский, говоря о пушкинских переводах, писал: “Для Пушкина не характерно обращение к редким и малоизвестным образцам”⁴. Был ли Сенесе в восприятии Пушкина второстепенным писателем?

Антуан Бодерон де Сенесе (1643–1737) вел бурную светскую жизнь, был выслан из Франции за участие в дуэлях, был камердинером жены Людовика XIV Марии-Терезии, затем исполнял ту же должность при дворе герцогини Ангулемской. Печататься начал только во второй половине своей жизни. Его перу принадлежат стихотворные повести, сатиры, эпиграммы, разные стихотворения, а также две стихотворные сказки. Хотя написал он довольно много, однако

Б.В.Томашевский, говоря о пушкинских переводах, писал: “Для Пушкина не характерно обращение к редким и малоизвестным образцам”⁴. Был ли Сенесе в восприятии Пушкина второстепенным писателем?

сколь-нибудь заметного следа в истории французской литературы как будто и не оставил. Но если в современных исследованиях имя Сенесе или вовсе не упоминается, или упоминается вскользь, то в работе теоретика XVIII в. Лагарпа Сенесе отводится отнюдь не второстепенное место. Известно, что “Лицей, или Курс древней и новой литературы” Лагарпа являлся для Пушкина-лицейста настольной книгой в изучении французской литературы. В шестом томе труда Лагарпа, названном “Век Людовика XIV”, глава, посвященная басне и сказке, имеет два раздела: первый имеет своим героем Лафонтена, второй – двух его последователей – Вержье и Сенесе. Лагарп пишет: “Двух сказок, которые оставил нам Сенесе, оказалось достаточно, чтобы он мог называться поэтом”⁵. Речь идет об “Утерянном доверии” и о сказке “*Camille, ou La manière de filer le parfait amour*” (“Камилла, или Как сохранить надолго романтическую любовь”). Лагарп находит много достоинств и во второй сказке, но отмечает, что особенно хороша “сказка о каймаке”: “В этом сочинении много очень удачных острот, глубокомысленных строк, поэтически украшенных деталей. К шалости он [Сенесе] добавляет разум, а его уверенная версификация не является подражанием”⁶. По мнению Лагарпа, Сенесе заставляет вспомнить Лафонтена, написавшего слишком много сказок, в то время как сам Сенесе написал их слишком мало⁷.

Сказка Сенесе нравилась также Вольтеру, который в 1821 г. был для Пушкина несомненным авторитетом. В своем “Веке Людовика XIV” Вольтер включает Сенесе в каталог писателей, характеризующих литературную историю эпохи, называя его “поэтом с особенным воображением”⁸. Вольтер пишет, что “сказка о каймаке, за исключением нескольких мест, представляет собой изысканное произведение”⁹. “Это пример, показывающий, что можно писать иначе, чем писал Лафонтен”¹⁰. В книге с произведениями Сенесе из библиотеки Пушкина (Oeuvres diverses de Sénecé. Paris, 1806. N 1387 по описанию библиотеки Пушкина¹¹) в предисловии отмечено, что Сенесе написал всего две сказки, но они “превосходны”¹² (автор предисловия – L.-S. Auger).

Сказка Сенесе, действительно, не лишена живости, остроумия, занимательности. Правда, пожалуй, она затянута. Началу непосредственного повествования предшествует вступление в 11 строк. Пушкин их опускает и сразу приступает к рассказу о “бедном мусульмане”, поселяя его в Гурзуф. В оригинале: “*Dans le coin d'un faubourg de Pruse, en Bithynie, / Demeuroit à l'étroit un pauvre Musulman*” – “В отдаленном предместье Прузы, в Вифинии, / Жил в нищете бедный мусульманин”. Пушкин перевел только самое начало сказки, когда сюжет только начинает завязываться и где говорится о том, как беременная жена бедного мусульманина Махмуда (у Пушкина Мехмета) посылает его за каймаком (молочное блюдо, похожее на творог). Герой сказки очень торопится удовлетворить прихоть жены, но на обратном пути, устав, засыпает в долине у ручья. Пушкинский пере-

вод имеет достаточно вольный характер, однако отдельные словосочетания и даже фразы переведены почти дословно: “pauvre Musulman” – “бедный музультман”; “Aussi Mahmoud (c’est notre personnage)” – “Мехмет (так звался он)”; “un feu dans l’estomac” – “горит желудок”; “Mon cher mari, mon cher bon, mon espoir” – “Любезный, миленький, красавец, мой дружок”; “Et court, ou plutôt vole” – “Не шел он, а летел”; “Heureusement au bout il vit une fontaine” – “По счастью на конце долины / Увидел он ручей”; “Tout sembloit dire en ce séjour: “Ou dormez, ou faites amour!” – “Все говорило:”Люби иль почивай”, ”Faire l’amour! Mahmoud n’en avoit point envie, / Quand même il auroit de quoi” – “Люби! Таких затей Мехмету в ум не приходило, / Хоть он и мог.”; “dormit-il comme un roi” – “как царь, уснул”. В прочих случаях Пушкин, хотя и отступает от текста оригинала, очень близко, часто с теми же деталями, иронизируя в тех же случаях, передает, содержание сказки. Например, Сенесе пишет: “De qui la manic / Etoit de calculer les mots de l’ Alcoran / Et d’en savoir par coeur toute la litanie” – “Страстью которого / Было считать слова Алькорана / И помнить наизусть все его длинноты”. У Пушкина это звучит так: “Душевно почитал священный Алькоран”. Строчке Сенесе “En mouloit-il un au moins tous les ans “ – “И по меньшей мере одного ребенка он производил каждый год” у Пушкина соответствует: “И каждый год ему детей она рожала”. Сенесе пишет: “Posez le cas qu’un roi dorme mieux qu’un autre homme: / J’en pense au rebours, quant a moi” – “Будем считать, что королю спится лучше, чем любому другому человеку: / Что касается меня, я думаю иначе”. У Пушкина: “Положим, что царям приятно спать дано / Под балдахинном на перине, / Хоть это, впрочем, мудрено”. Сравнивая пушкинский текст с текстом оригинала, следует заметить, что Г.Д.Владимирский был неправ, считая, что “Недавно бедный музультман...” – ”перевод-переделка”¹³: перевод имеет вольный характер, но все-таки это – перевод, но не переделка.

Пушкин не окончил свой перевод. Сказка длинная, до основных событий он не добрался. А они разворачиваются следующим образом: Махмуд (или Мехмет у Пушкина) засыпает, и, пока он спит, появляется змей, который съедает каймак и оставляет в тарелке цехин. Змею так понравилось кушанье, что он предлагает Махмуду каждое утро приносить ему каймак, он же будет давать всякий раз тому золотой. Махмуд счастлив и обещает Магомету через пять лет отправиться в Мекку паломником. Пять лет проходят. Махмуд должен отправляться в путь, но ему досадно, что он не будет больше получать по золотому в день. Тогда он идет к змею и уговаривает его брать каймак у его сына, пока он сам будет отсутствовать. Змей не соглашается и отговаривает Махмуда идти в Мекку – “зачем пускаться в долгое путешествие в его возрасте. Главное, – говорит змей, – бойся бога, служи ближнему и следи за своим хозяйством”. Все-таки

Махмуд сумел уговорить змея и его сын начинает приносить змею каймак, а сам Махмуд отправляется в путь. В течение года сын исправно выполняет свою обязанность, а потом ему приходит в голову, что хорошо бы завладеть всем богатством змея, а не получать по одной монете в день. Он пускается на хитрость: приносит змею каймака больше, чем обычно, говорит, что сегодня праздник, и пока змей ест в свое удовольствие, лицемер хочет нанести ему удар топором. Однако змей сумел увернуться и топор отрубил только кончик его хвоста. Змей душит предателя. Когда Махмуд возвращается домой, он узнает, что змей убил его сына. Махмуд горюет, но без денег приходится плохо, и он идет к змею. Тот рассказывает ему, как было дело. Махмуд прокликает своего сына и просит змея продолжать платить за каймак. Но змей отвечает, что, хотя он и может поддерживать отношения с Махмудом, никогда теперь между ними не может быть настоящей дружбы. Как только доверие утеряно, можно только внешне изображать прежние дружеские отношения, но в глубине души дружбы нет.

Следует отметить, что Лагарп был прав, находя в сказке о каймаке “глубокомысленные строки”, – змей, любитель каймака, по-настоящему мудр. Сказка привлекательна не только имеющимися в ней остроумными моментами. Вспомним рассуждение змея о сути истинной веры – главное не в том, чтобы соблюсти правила и предписания, главное – иметь бога в душе, помнить о ближнем, заниматься своим делом. Глубока и в общем верна и основная идея сказки – мысль о невозможности сохранения подлинной дружбы, если в нее закралось недоверие рожденное предательством. Может быть, эта мысль остановила внимание Пушкина? Пушкинский перевод записан на листах 34 об., 35, 35 об., а на соседнем с переводом 36 л. находится беловой с правкой автограф неоконченного послания к Вяземскому “Язвительный поэт, остряк замысловатый...”. Здесь же, на этом листе среди рисунков имеется зарисовка горного пейзажа, которую можно воспринимать как относящуюся к переводу из Сенесе – герой в пушкинском переводе, добыв каймак, “в обратный путь пустился по горам”. Черновой автограф послания Вяземскому находится на отдельном листе (ПД 38), на этом листе с обеих сторон имеются карандашные рисунки. На лицевой стороне изображена женщина либо с распущенными волосами, либо в восточной накидке; на обороте – два изображения мужчины со спины, одно с торбой за спиной. Гипотеза С.А.Фомичева о том, что это – иллюстрации к сказке Сенесе – (изображение жены героя, Фатимы, и портрет самого героя, возвращающегося домой с ношей)¹⁴, основанная на соотношении автографов и рисунков, получает еще одно возможное подтверждение. Послание к Вяземскому, очевидно, связано с их перепиской Пушкина по поводу пушкинских стихов, направленных против Ф.И.Толстого (Американца). Стихи были написаны после того, как Пушкин узнал о том, что Толстой распространял порочащие его

слуши. Пушкин собирался, как он позже писал Вяземскому, “резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался <...> приятелем”¹⁵. Если Пушкин где-то в одно и то же время занимался переводом сказки Сенесе и писал стихи, обращенные к Вяземскому, может быть, он обратился к сказке “Утерянное доверие” потому, что ее основная идея отвечала его умонастроению и его не оставляла мысль о низости предательства в дружбе?

Пушкин, однако, не заканчивает перевода и так и не добирается до основной идеи сказки. Впрочем, известно, что пушкинские переводы – явление особенное – это всякий раз “проба пера”: сколько раз он переводит только начало или отрывок из того или иного произведения. Так будет с переводом из “Орлеанской девственницы” Вольтера, переводом из трагедии Альфиери “Филипп”, “Неистового Роланда” Ариосто.

“Недавно бедный музульман...” – один из первых собственно переводческих опытов Пушкина (речь идет не о подражаниях, заимствованиях, влияниях, а о переводах как таковых); выбор же Пушкина может иметь следующее объяснение. Во-первых, Сенесе, очевидно, не был для Пушкина “второсортным” поэтом и его сказка могла восприниматься Пушкиным как интересное литературное явление, привлекательное остроумием, ироничностью, живостью. Во-вторых, сказка могла остановить его внимание своей основной мыслью, отвечавшей его собственному настроению.

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР. Т. 13. С. 134.

² В 1825 г. Пушкин попробует перевести сказку Вольтера “Что нравится дамам” (“Короче дни, а ночи доле...”).

³ Б.В.Томашевский, например, пишет: “<...> Пушкин писал и оды, и сказки, подражая “возвышенному галлу” Лебрену и второстепенному сказочнику Сенесе (“Каймак” – “Недавно бедный музульман”);” – Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 87.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Laharpe J. - F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. V. VI. Paris, 1817. P. 378.

⁶ Ibid. P. 379.

⁷ Ibid.

⁸ Voltaire. Oeuvres complètes. 1785. V. 20. P. 169.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910.

¹² Sénecé A. -B. de Oeuvres diverses. Paris, 1806. P.VII.

¹³ Владимирский Г.Д. Пушкин переводчик // Временник пушкинской комиссии 4–5. М.; Л., 1939. С. 318.

¹⁴ Фомичев С.А. Новые тексты стихотворений А.С.Пушкина. Сер.: Неизданный Пушкин. СПб., 1996. Вып.1. С. 22.

¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР. Т.13. С. 43.

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 60-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОМИЧЕВА

ПУШКИН И ДРУГИЕ

НОВГОРОД
1997